

Глава первая

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ

Георгий Валентинович Плеханов родился 11 декабря 1856 г. в селе Гудаловке Тамбовской губернии в семье мелкопоместного дворянина Валентина Петровича и Марии Федоровны (племянницы В. Г. Белинского) Плехановых. Его отец мало интересовался общественными и политическими вопросами, несмотря на то что это было время непрерывно нараставшего антикрепостнического движения крестьян, всеобщего возбуждения в либеральных кругах общества. Атмосфера общественной жизни была накалена до предела. Ожидали падения крепостного права. Среди помещиков ползли «зловещие слухи» о поджогах имений, о нападениях крепостных крестьян.

Отец Георгия Валентиновича проводил время в хозяйственных заботах по управлению имением, был малообщительным, характер имел крутой и даже суровый. С крестьянами не всегда ладил, его даже недолюбливали за суровое к ним отношение.

В противоположность своему супругу Мария Федоровна обладала тихим, кротким нравом, не раз вступалась за крестьян, смягчала отношение мужа к ним. Крестьяне уважали ее и даже любили. Это была умная и образованная женщина, посвятившая себя детям и их воспитанию. Благодаря ее стараниям Георгий был подготовлен для поступления во второй класс гимназии. Мать привила ему любовь к книгам. Мальчик, как только получил доступ к небольшой домашней библиотеке, углубился в чтение. Молодой Плеханов был необычно живым и любознательным, смелым и находчивым.

Из своих детских наблюдений он вынес убеждение, что в народе растет глухой ропот, недовольство. В прочитанных им потом книгах он нашел высказанное в своеобразной форме подтверждение этому раннему мироощущению, которое усиливается у него во время пребывания с сентября 1866 г. в Воронежской военной гимназии.

Окружавшая молодого Плеханова среда в гимназии оказала исключительное влияние на впечатлительного юношу и сыграла

известную роль в формировании его первых общественно-политических воззрений. Среди преподавателей гимназии было немало прогрессивно настроенных людей. К ним относились натуралист Тарачков (ученик Рулье), преподаватель Де Пуле, автор первых серьезных биографий Кольцова и Никитина, известный педагог Н. Ф. Бунаков, о котором Плеханов вспоминал как о выдающемся преподавателе русского языка, привившим любовь к словесности, литературе. Бунаков знакомил своих учеников с идеями Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Он сочувствовал революционно-освободительным идеям, преклонялся перед декабристами. Его взгляды находили живой отклик среди учеников.

Вечерами воспитанники гимназии собирались для чтения произведений Некрасова и других демократических писателей, жарко спорили о взглядах Бокля, Маркса, Спенсера, Михайловского и др. Характеризуя либеральный дух, царивший в Воронежской гимназии, Бунаков свидетельствует, что в педагогической работе не чувствовался гнет начальства, преподавателям была предоставлена самостоятельность.¹

Плеханов много читал, особенно интересовался историей освободительного движения. По свидетельству его сестры К. В. Плехановой, когда он приезжал в Липецк, то обычно долгие часы проводил в библиотеке отца.

Чтение произведений Белинского, Чернышевского и Герцена способствовало возникновению у Плеханова революционных настроений, привитию ненависти к самодержавию и горячей любви к народу. Эти настроения порождали у него интерес к философским и социологическим проблемам современности.

Вольнолюбивые идеи глубоко западали в сознание молодого Плеханова. Вспоминая о влиянии прогрессивной литературы на формирование своего мировоззрения, он впоследствии писал: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фронтное учение. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: „Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!“ Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко врезались в мою память».²

После успешного окончания военной гимназии Плеханов в 1873 г. переехал в Петербург и был принят в Константиновское юнкерское училище. Однако он отказался от военной карьеры и

¹ Н. Ф. Бунаков. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837—1905. СПб., 1909, стр. 86.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. X, М.—Л., 1925, стр. 389.

осенью 1874 г. поступил в Горный институт. В связи с трудным материальным положением семьи после смерти отца Плеханов по справке предводителя дворянства Липецкого уезда был освобожден от платы за учение в институте.

С этого времени для него начинается новый этап жизни. Он почти сразу становится участником революционного движения, хотя первоначально у него было намерение посвятить себя только изучению наук. Познакомившись с революционерами-народниками, Плеханов всецело отдается революционному делу. Пропаганду идей «Земли и воли» он ведет преимущественно среди рабочих.

Плеханов примыкает к бакунинскому направлению в народничестве. «Первая речь Плеханова, которую мне пришлось услышать, — писала в своих воспоминаниях Р. М. Плеханова, — отличалась стройным, логичным изложением бакунинских взглядов, горячим убеждением, что одна социалистическая пропаганда недостаточна для поднятия народных масс, что нужна агитация на почве непосредственных интересов крестьян, необходимо организовать последних для восстания против помещиков и всякого начальства. Для этого надо приучать крестьян к вооруженной борьбе».³

По свидетельству Р. М. Плехановой, народник Плеханов пользовался популярностью среди рабочих и был известен как студент «Жорж». 6 декабря 1876 г. народниками была организована первая рабочая демонстрация у Казанского собора, где Плеханов произнес речь, в которой говорил о безысходном, тяжелом положении народа, о преследовании царским правительством лучших людей, о господстве политического гнета и несправедливости в стране, о необходимости борьбы с царизмом.

После демонстрации Плеханов вынужден был перейти на нелегальное положение. Агенты полиции разыскивали смелого оратора у Казанского собора. Ему пришлось менять конспиративные квартиры. По настоянию товарищей Плеханов отправился за границу, чтобы скрыть свои следы от полиции. Через несколько месяцев, в июле 1877 г., он возвратился в Россию. Из Петербурга в конце июля Плеханов направился в Саратов, намереваясь вести народническую пропаганду среди крестьянства. Его попытка в этой связи стать учителем в Аткарском уезде Саратовской губернии не удалась, и он вынужден был ограничиться ведением народнической пропаганды среди интеллигенции, учащейся молодежи и рабочих Саратова.

Однако полиция скоро напала на следы народнической организации, началась слежка за конспиративной квартирой. Плеханов случайно избежал ареста. Осенью 1877 г. он вновь возвращается в Петербург. Здесь Плеханов принимает активное участие в сходках по поводу процесса 193-х, пишет прокламацию в связи с актом

³ Группа «Освобождение труда», сб. № 4, М.—Л., 1926, стр. 85.

В. Засулич (покушение на градоначальника Трепова).⁴ Основное внимание в своей революционной деятельности он уделяет занятиям с рабочими.

Молодой и энергичный Плеханов вел революционную пропаганду и агитацию среди рабочих на Васильевском острове, Петербургской стороне, Выборгской стороне, Обводном канале и в других районах города. На конспиративных квартирах происходили беседы с рабочими, читались книги. Во время стачки на фабриках Кенига, Шау, на Новой бумагопрядильне Плеханов встречался с рабочими представителями в одной из конспиративных квартир на Екатерининском канале, помог формулировать их требования.

Во время стачки на Новой бумагопрядильне Плеханов был задержан полицией. Об этом факте он впоследствии писал: «Арест мой продолжался всего один день. В качестве „незаконного“ я имел недурной паспорт и носил ничем не запятнанное в глазах полиции имя какого-то потомственного почетного гражданина. Меня выпустили, обязав подпиской о невыезде. Я добросовестно исполнил это обязательство, так как долго после этого не покидал Петербурга».⁵

Значительный интерес для понимания мирозерцания Плеханова в рассматриваемый период представляют его корреспонденции «С Новой бумагопрядильни», «С бумагопрядильной фабрики Кенига», «Волнения в среде фабричного населения». В них описывается ход событий на фабриках в связи с забастовками, вскрываются причины фабричных волнений и конкретно формулируются требования рабочих. Видно, что автор этих корреспонденций хорошо знал жизнь рабочих, был в курсе всех деталей событий.

Но, будучи народником бакунистского направления, Плеханов представляет себе дальнейшую перспективу рабочего движения в абстрактно-народническом плане. Поставив вопрос о роли стачек в рабочем движении, он писал: «В том-то и заключается жизненная сила таких протестов, что они вспыхивают, когда не удовлетворяется минимум даже самых необходимых потребностей массы. Никакие репрессии не застрашают ее надолго, когда ей предоставляется альтернатива: бунтовать или умирать с голоду. А когда ей удастся отвоевать себе удовлетворение этого минимума, явятся новые потребности, стойкость ее окрепнет, благодаря опыту, приобретенному в борьбе, и от бунта за 5-ти копеечную прибавку она постепенно будет переходить к более и более широкому протесту, пока не исполнит, наконец, завета своих дедов и прадедов, завета всей русской истории, пока не возьмет в свои могучие трудовые руки красного знамени *Земли и Воли*».⁶

Плеханов пишет в это время ряд листовок. Так, например, в 1877 г. в подпольной типографии землевольцев была напечатана

⁴ Былое, 1906, № 7, стр. 181—182.

⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, М.—Пгр., 1923, стр. 166 (прим.).

⁶ Там же, т. I, М.—Пгр., 1923, стр. 55.

прокламация, обращенная к рабочим патронного завода после происшедшего на нем взрыва: «Рабочие! Пора вам самим взяться за ум: помощи ждать вам не от кого! Не дожидетесь вы ее от начальства!

«Долго ждало помощи от него крестьянство и дождалось кочек да болот, да податей еще тяжелее, еще больше прежнего!

«Долго терпели и вы и дождались того, что вас жгут живьем и пускают по миру ваши семьи!

«Долго ли еще будешь терпеть ты, рабочий народ!».⁷

Были также написаны листовки «К рабочим всех фабрик и заводов» (за подписью «Ваши друзья»), «К русскому обществу» по поводу процесса и оправдания В. Засулич, «К студентам высших учебных заведений» и др.

Наряду с агитационной деятельностью Плеханов вел и пропагандистскую работу.

По воспоминаниям Р. М. Плехановой, в 1879 г. на квартире в Фонарном переулке Плеханов вместе с другими революционерами читал «Капитал» Маркса, появившийся в переводе Г. Лопатина. К этому времени (январь) относится его знакомство с первой листовкой, выпущенной «Северным русским рабочим Союзом».⁸

Существенным для идеологического развития Плеханова являлось то, что он вел революционную работу преимущественно среди рабочих. Это позже определило его отрицательное отношение к ряду сторон бакунизма и вообще к отдельным идеям народничества. Отмечая значение своей революционной деятельности среди рабочих, «занятий» с ними, Плеханов писал: «Я убежден, что именно опыт, приобретенный мною в этих „занятиях“, подготовил меня к усвоению марксизма».⁹

Современники указывали на новый, постепенно формировавшийся у Плеханова взгляд на революционное движение рабочих. «Работавший в городе Плеханов, — пишет один из них, — отмечал революционное значение рабочей массы, как целого — в противовес взгляду на эту массу, в лучшем случае, как на резервуар, из которого можно черпать отдельные пригодные для дела единицы».¹⁰

Но ведя революционную пропаганду среди рабочих, Плеханов твердо был убежден в правильности народнической концепции. Как и все народники, Плеханов усматривал в общине основу социалистического переустройства крестьянства. В статье «Об чем спор?» (Неделя, 1878, № 52) он подверг критике Глеба Успенского, который в своих литературных очерках ярко осветил процессы разложения патриархальных устоев деревни.

⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, М., 1934, стр. 381.

⁸ Официальное название этой организации было: «Северный союз русских рабочих».

⁹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIII, М.—Л., 1926, стр. 119.

¹⁰ Архив Дома Г. В. Плеханова, ч. 151, № 6914, стр. 8.

Разделяя первоначально в основном взгляды бакунистского направления в народничестве, Плеханов, однако, не был согласен с нараставшей тенденцией террористической деятельности в среде землевольцев. Эта деятельность являлась органическим выводом из программы бакунизма. Плеханов на собрании кружка «Земли и воли» при решении вопроса о распределении денежных средств был против увеличения их на организацию террористической деятельности. Он был противником подготовки террористического акта Соловьева против Александра II.

Постепенно Плеханов начинает испытывать значительное влияние П. А. Лаврова, его идей о революционной пропаганде в народе как основе революционной деятельности. В письме к Лаврову в 1881 г. Плеханов писал: «С тех пор, самых пор, как во мне начала пробуждаться „критическая мысль“, вы, Маркс и Чернышевский были любимейшими моими авторами, воспитавшими и развившими мой ум во всех отношениях».¹¹

Плеханов был принципиальным противником террора. Это обстоятельство постепенно смещало его революционную деятельность от бакунизма в сторону лавризма. Полиция же усматривала в нем одного из активных и опасных террористов. Плеханов ежедневно подвергался опасности быть схваченным агентами полиции. Поэтому ему ежедневно приходилось менять свой внешний вид.

Ввиду предстоящего террористического акта Соловьева организация «Земли и воли» потребовала, чтобы Плеханов временно покинул Петербург, опасаясь за его судьбу. Он отправился в Ростов-на-Дону, где проводил революционную работу среди местной интеллигенции, казаков и портовых рабочих.

К этому времени Плеханов становится видным революционером-народником, которого царское правительство в качестве «государственного преступника» тщетно пыталось арестовать.

Возникший кризис в «Земле и воле» привел к созданию новых организаций, к отрицанию старого народничества с его непризнанием политической борьбы.

После Воронежского съезда в 1879 г., когда «Земля и воля» раскололась на организацию «Народная воля» и группу «Черный передел», Плеханов был духовно подавлен. «Я уехал, — вспоминает он, — из Воронежа в Киев, увозя с собой безотрадное убеждение в том, что народничество, казавшееся мне тогда единственно возможным в России видом социализма, погибает...».¹²

Плеханов остался непреклонным противником террористической деятельности народников. Он и его немногочисленные сторонники, организовав группу «Черного передела», продолжали верить в возможность массового движения крестьянства, в возможность революции в стране. Им был налажен выпуск журнала «Черный пере-

дел». После провала типографии в январе 1880 г. была создана типография в Минске, где были отпечатаны 3-й, 4-й, 5-й номера журнала. Несмотря на активную роль Плеханова, ряды чернопеределцев не только не росли, но таяли. «Вообще в конце лета 81 г. перед многими из нас встал вопрос, как быть дальше, т. к. становилось ясно, что с такими силами вести дело невозможно — надо или прекратить работу, или слиться с другой организацией».¹³

Впоследствии Плеханов, давая оценку создававшемуся положению в народничестве, писал: «Старое революционное народничество было осуждено на смерть самой жизнью, попытка „чернопеределцев“ привлечь к нему новые силы окончилась полной неудачей. Даже та часть революционной молодежи, которая сочувствовала программе „Черного передела“, не покидала городов, и скоро одно за другим исчезли все или почти все „бунтарские“ „поселения в народе“».¹⁴

Со времени раскола «Земли и воли» Плеханов переживает глубокую духовную драму. Он все более и более осознавал тщетность усилий организации «Черного передела». Чем больше он работал над вопросами программы и тактики «Черного передела», тем больше перед ним вставали новые вопросы в общественном движении, обнаруживались противоречия народнического мировоззрения и жизни.

Несмотря на отстаивание Плехановым общенароднического мировоззрения, в его статьях, помещенных в «Черном переделе», постепенно появляются трещины. В статье «От редакции» было заявлено, что «русская социально-революционная партия не может упускать из виду положений научного социализма».¹⁵

И в то же время Плеханов писал в одной из своих статей в «Черном переделе», что от решения крестьянского вопроса зависят все остальные вопросы и лозунг «земля и воля!» по-прежнему является девизом практической деятельности революционеров. Он еще отстаивает тезис о том, что неизбежность замены общинных форм собственности в сельском хозяйстве индивидуалистическими формами еще далеко не решенный вопрос. Община не носит в себе элемента внутреннего разложения. Поэтому «неизбежность капиталистической продукции, как переходной ступени к социалистической организации будущего общества, признается нами лишь для тех сфер имущественных отношений людей, где индивидуализм являлся до сих пор исключительно господствующим принципом».¹⁶

В этой связи Плеханов рассматривал политическую борьбу в качестве второстепенного фактора. Он писал: «... при всем нашем сочувствии политической борьбе, на которую устремилось уже

¹³ Архив Дома Г. В. Плеханова, б. г., 14.18, № 5354, стр. 10.

¹⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. IX, М., 1925, стр. 19.

¹⁵ Там же, т. I, стр. 109.

¹⁶ Там же, стр. 120.

¹¹ Дела и дни, 1921, № 2, стр. 86.

¹² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XIII, стр. 24.

немало сил, когда-то работавших вместе с нами, мы говорим, что борьба эта имеет лишь второстепенное значение. . .».¹⁷ Пропаганду среди народа, крестьянства, идей коммунистической общины он еще продолжает выдвигать на первый план.

Но во взглядах Плеханова появляется нечто новое. Он начинает обращать более серьезное внимание на значение развития города и роста рабочих в промышленности. «Нужда, — писал Плеханов, — стрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим центр тяжести экономических вопросов передвигается к промышленным центрам. Укрепившись на фабрике и в деревне, мы займем позицию, соответствующую не современному только положению, но всему ходу экономического развития России. Написавши на своем знамени девиз: „Рабочий, бери фабрику, крестьянин — землю“ связавши в одно целое революционные организации промышленных и земледельческих рабочих, мы можем предоставить ход экономических изменений в России их естественному течению и не бояться их колебаний в ту или другую сторону».¹⁸

С одной стороны, под влиянием самого хода общественного развития России, в котором рабочее движение приобретало все большее историческое значение, а с другой — под влиянием изучения сочинений Маркса и Энгельса Плеханов постепенно критически пересматривал свои народнические воззрения. Будучи народником, он начал изучение марксистских работ.

Уже в 1879 г. Плеханов сочувственно относился к идеям материалистического понимания истории, обратив внимание на роль рабочего класса в революционном движении. В своих корреспонденциях в журнал «Земля и воля» он подчеркивал необходимость серьезного отношения к рабочим со стороны русских революционеров. Социалисты, подчеркивал Плеханов, не могут оставаться равнодушными зрителями таких важных событий в жизни рабочих, как стачки. В корреспонденции «С бумагопрядильной фабрики Кенига» он писал, что русский рабочий класс находится под двойным гнетом: рабства экономического и рабства политического. В его статье «Закон экономического развития общества», напечатанной в 1879 г. в журнале «Земля и воля» (№ 3), сказано: «Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей».¹⁹ Эта статья вызвала большой отклик у революционеров, а авторитет Плеханова значительно возрос.

В мировоззрении народника Плеханова появились серьезные трещины. К признанию материалистического взгляда на общество

¹⁷ Там же, стр. 126—127.

¹⁸ Там же, стр. 131.

¹⁹ Там же, стр. 67.

Плеханов шел постепенно, оставаясь еще в общем на позициях народничества. В статье «Закон экономического развития общества» он, не отказавшись от идеалистического мировоззрения, соглашался с тезисом о том, что в основе общественных условий жизни лежат экономические отношения и причины для объяснения социальных переворотов нужно искать в развитии экономической жизни. Несколько позже в журнале «Черный передел» он писал от имени редакции: «. . . исходя из условий русских общественных отношений в постановке своей практической программы, русская социально-революционная партия не может упускать из виду положений научного социализма, которые должны служить для нее критерием при оценке различных сторон и форм народной жизни».²⁰

В это время Плеханов еще не был марксистом, но он непрерывно приближался к марксизму. Во втором номере журнала «Черный передел» указывалось, что организация «Черный передел» не ставит себе целью бороться за особый крестьянский социализм. «Мы совсем не отрицаем, — говорилось там, — значения революционной работы в наших промышленных центрах. Такое отрицание невозможно для нас уже и потому, что мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России».²¹

В этом заявлении чувствовался отход Плеханова от традиционной позиции народничества и приближение к иному взгляду на роль рабочего класса в общественном развитии страны. Однако этот новый взгляд лишь намечался. В его сознании все еще довлела точка зрения «экономической исключительности» России. Многие идеи Маркса он воспринимал еще в искаженном, бакунистском виде.

Работая над вопросами программы и тактики «Черного передела», он знакомится с книгой статистика В. И. Орлова «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (1879).²² Эта книга оказала своим фактическим материалом значительное влияние на его воззрения. Ее объективное содержание независимо от воззрений автора означало критику народнической идеологии. Приведенные автором цифры опровергали народнические взгляды по вопросу о закономерностях экономического развития страны. Статистический материал, собранный по 5500 селениям, наглядно раскрывал процесс дифференциации крестьянства — процесс распада крестьянской общины.

В своих воспоминаниях Р. М. Плеханов подтверждает факт большого влияния работы Орлова на дальнейшее углубление кри-

²⁰ Там же, стр. 109.

²¹ Там же, стр. 131.

²² Данными этой книги пользовались К. Маркс и В. И. Ленин.

зиса народнических взглядов Плеханова. «По-моему, — писала она, — начало поворота в политическом и социалистическом мировоззрении еще мало, быть может, создаваемого самим Георгием Валентиновичем, надо отнестись к этому первому удару, который был нанесен революционным верованиям Плеханова книгой скромного статистика Орлова».²³

Безусловно факты и цифры, содержащиеся в работе и отражающие точным образом тенденции экономического и социального развития русской деревни, оказали существенное влияние на взгляды Плеханова, заставили его переосмыслить народнические представления. Впоследствии в опровержении взглядов Михайловского и Кривенко он вновь обращается к свидетельству Орлова. «Вот, например, — писал Плеханов в статье «Странное недоразумение», — еще покойный В. Орлов, исследуя поземельную общину Московской губ., нашел, что за общинное землевладение держатся только крестьяне средней степени благосостояния, богачи же и бедняки смотрят на него, как на нечто весьма стеснительное и невыгодное».²⁴

Серьезное значение в расшатывании народнических взглядов Плеханова имела и книга М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». Хотя Плеханов в своей статье «Поземельная община и ее вероятное будущее» и выступил против положений Ковалевского, заявив, что разрушение общины нельзя считать неизбежным историческим явлением, но, по собственному же признанию, книга вселила в него сомнения в отношении будущности русской общины.

Период 1879—1880 гг. является для Плеханова критическим, когда он особенно остро почувствовал необходимость пересмотреть свое мировоззрение. Где-то глубоко в его сознании таились сомнения в отношении защищаемой им народнической концепции. В кругу знакомых он не раз в связи с этим говорил: «... чувствуешь, что не хватает знаний». Зимой 1879/80 г. Плеханов познакомился с литературой, в которой обсуждались экономические и философские идеи марксизма. Это было новым важным фактором в расшатывании его народнических убеждений и в постепенном признании им отдельных положений марксизма.

Чтобы понять наступивший духовный кризис Плеханова, необходимо кратко проанализировать процесс распространения идей марксизма в России в конце 70-х и начале 80-х годов.

«Капитал» Маркса явился первым снарядом большой разрушительной силы, пущенным против самобытных народнических теорий. Экономическая и историко-материалистическая теория Маркса подрывала веру в «особые пути» развития России. Народническая «оптимистическая точка зрения» в вопросах обществен-

ного развития оказалась основательно поколебленной. Этому в известной мере способствовало и появление еще в 1869 г. в России книги Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», в которой нарисованы ужасающие картины эксплуатации и полнейшего бесправия сельскохозяйственных рабочих и крестьян, вынужденных уходить на дальние промыслы и работы.

Мимо «Капитала» не могла пройти и русская университетская наука. Она тоже испытала в той или иной мере его влияние. Идеи научного труда Маркса проникли в университетские аудитории, в журналы и книги.

Значительную роль в ознакомлении русского общества с экономическими идеями марксизма сыграл профессор кафедры политической экономии Киевского университета Зибер, написавший в 70-х годах ряд работ с изложением взглядов Маркса.

Знакомство русского общества с марксистскими идеями непрерывно ширилось, чему в известной мере содействовали появившиеся в печати рецензии на «Капитал», как например рецензия Михайловского «По поводу русского издания книги Карла Маркса» («Отечественные записки», 1872, IV), рецензия Кауфмана («Вестник Европы», 1872, V), рецензия за подписью В. П. («С.-Петербургские ведомости») и другие («Сын отечества», «Современные ведомости» и т. д.). В газете «Новое время» 3 апреля 1872 г. была помещена передовая статья, в которой в благоприятных тонах обсуждалось экономическое учение Маркса. Об этой статье, за которую редактор газеты получил предупреждение от правительства, упоминал Маркс в письме к Зорге от 23 мая 1872 г.

Имя Маркса становится особенно популярным, а его идеи приобретают широкую известность с конца 70-х годов. Это было связано с ростом русского фабрично-заводского пролетариата и началом его политического пробуждения. К этому времени относится появление рабочих союзов в Одессе и Петербурге. Стало очевидным, что «социальный вопрос» и в России выдвигается на первый план самой жизнью. Вокруг «Капитала» Маркса и других его произведений закипает горячая борьба.

Полемика вокруг «Капитала» в легальной печати имела большое значение для русского революционного подполья. Сочинения Маркса и Энгельса читались в кружках, реферировались. Их идеи воспринимались как призыв к революционным действиям. Царское правительство стало преследовать за распространение марксистской литературы. Судебные процессы 70-х и 80-х годов пестрят обвинениями в чтении, реферировании и распространении книги Маркса.

Из-за границы нелегально пересылались многие работы Маркса и Энгельса. Они достигали даже далекого Шенкурска, оказывались в Орле, Таганроге и многих других городах. Известную роль в распространении книг Маркса сыграл кружок чайковцев. При

²³ Группа «Освобождение труда», сб. № 6, М.—Л., 1928, стр. 94.

²⁴ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, М., 1937, стр. 18.

обысках царская полиция нередко находила тщательно составленные конспекты «Капитала» Маркса.

«Капитал» Маркса оказывал влияние на русскую общественную мысль не только своими экономическими идеями, но и своей материалистической философско-социологической концепцией. Идеи материалистического понимания истории обсуждались в кружках, вокруг них загорались горячие споры. Правда, они встречали благожелательное отношение, пожалуй, лишь в рабочих кружках. Народники же готовы были согласиться лишь с тем, и то с оговорками, что «система Маркса» применима только к «капиталистическому Западу».

Имена Маркса и Энгельса с 70-х годов были уже знакомы передовым рабочим Петербурга. Народники-чайковцы и лавристы в кружках знакомили рабочих с экономической и социальной теорией Маркса. Наиболее развитым рабочим читались лекции по «Капиталу». Пользовались большим успехом в рабочих кружках статьи Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», опубликованные в журнале «Современник».

С философскими идеями марксизма передовое русское общество познакомилось в процессе изучения «Ницеты философии» и «Капитала» Маркса, а также «Анти-Дюринга» Энгельса. Перевод «Анти-Дюринга» на русский язык был запрещен цензурой. Однако немецкие экземпляры этой книги доходили и до русских читателей.

Изложение отдельных положений «Анти-Дюринга» и даже прямые извлечения в отрывках из сочинений Энгельса появлялись в легальной печати. Так, в журнале «Слово» в 1879 г. Зибер опубликовал статью под названием «Диалектика и ее применение к науке». Статья представляла собой в отрывках перевод первого раздела и трех глав второго раздела книги Энгельса. Такой же примерно прием применил Зибер в своей рецензии на книгу «Анти-Дюринг» в «Критическом обозрении за 1879 год», ознакомив читателя с переводом отдельных отрывков из книги.

Через нелегальные каналы до русских революционеров доходили и другие работы Маркса и Энгельса. Член кружка чайковцев В. М. Александров напечатал в Цюрихе переведенную им самим брошюру Маркса «Гражданская война во Франции в 1870—1871 гг.». В России в 70-х и в начале 80-х годов от имени некой «Московской группы» распространялся запрещенный царской цензурой «Манифест Коммунистической партии» в переводах Бакунина.

Первоначально народники не усматривали в марксизме враждебного для себя учения. Для революционных народников Маркс и Энгельс были авторитетными политическими деятелями, крупнейшими мыслителями. Они считали учение марксизма неприменимым для России, но видели в нем доктрину, справедливую для западноевропейских условий. В марксизме они видели учение, ко-

торое дало исключительно обоснованную критику капитализма, и считали неизбежным преобразование крестьянского хозяйства на коммунистических началах.

Лишь со времени образования первых марксистских кружков, со времени возникновения пролетарско-демократических тенденций внутри народничества, возникших в связи с развертыванием революционной работы народников среди рабочих, постепенно меняется их отношение к марксизму.

Народник Плеханов живо интересовался всей литературой, легальной и нелегальной, в которой обсуждались идеи марксизма. Он был хорошо знаком и с полемикой против идей марксизма.

Сомнения в отношении народнической концепции социализма все быстрее и быстрее нарастали в сознании Плеханова. Он непрерывно обнаруживал противоречия между теорией народников и действительностью.

Ширившееся стихийное рабочее движение и возникновение «Северного союза русских рабочих» несомненно явились тем значительным фактором, который также посеял серьезные сомнения в сознании Плеханова. К этому времени все яснее становилась задача «хождения в народ», наступил кризис народничества и его идеологии. Плеханов впоследствии писал: «Тяжелый опыт скоро показал нашим революционерам, что от жалоб на малоземелье бесконечно далеко до выработки определенного классового сознания и что от бунтов, происходивших 100 и 200 лет тому назад, нельзя умозаключать о готовности народа восстать в настоящее время».²⁵

В 1878—1879 гг. Плеханов изучает произведения А. Смита, Д. Рикардо, Д. С. Милля с комментариями Н. Г. Чернышевского, знакомится с работами Зибера. К этому времени он хорошо знал «Капитал» и некоторые другие марксистские произведения. По свидетельству Р. М. Плехановой, зимой 1878 г. Плеханов почти все время проводил в Публичной библиотеке. Вся эта теоретическая работа постепенно подтачивала его народническое мировоззрение. Первоначально Плеханов пытался отдельные положения материалистического понимания истории и научного социализма сочетать со своими народническими воззрениями, что нашло отражение в его статьях того времени. Нужно думать, что известную роль в отрицательном отношении Плеханова к террористической деятельности народников играло его знакомство с марксизмом.

Огромное значение для самокритического обсуждения народнической идеологии, как мы уже отмечали, имело для Плеханова его близкое общение с рабочими. Во время бесед с ними читалась и разъяснялась книга Флеровского «Положение рабочего класса в России», читались отрывки из «Капитала», разъяснялись статьи из «Земли и воли» и пр.

²⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 155.

Плеханов вел нелегальную, полную опасностей жизнь, имея в городе несколько конспиративных квартир. О. Н. Присецкая сообщает об участии Плеханова в совещании на конспиративной квартире на Екатерининском канале: «Особенно часто бывал Георгий Валентинович. Он приходил, переодевался в рабочий костюм, — для этого в квартире было несколько костюмов, — и шел на завод и в рабочие кружки. Возвращался довольно поздно, чтобы переодеться».²⁶

В 1878 г. Плеханов принял деятельное участие в рабочих стачках. Его непрерывно разыскивала полиция. В деле III отдела собственной канцелярии от 18 марта 1879 г. сохранилась запись: «Получено сведение, что известный Георг Плеханов, остающийся по сие время не разысканным и подлежащий задержанию, имеет будто бы постоянное пребывание в двух местностях: за Нарвской и Московской заставами, попеременно. Его знают будто бы многие рабочие как руководителя движения этой среды».²⁷

Встречи с петербургскими рабочими и пропагандистская работа среди них произвели на Плеханова неизгладимое впечатление. Об этом он сообщал с исключительной теплотой в работе «Русский рабочий в революционном движении». Вспоминая об одной из таких первых встреч с рабочим Митрофановым, Плеханов писал: «Любя „народ“, я знал его очень мало, а лучше сказать, не знал совсем, хотя и вырос в деревне. Когда я первый раз встретился с Митрофановым и узнал, что он рабочий, т. е. один из представителей „народа“, в моей душе шевельнулось смешанное чувство жалости и какой-то неловкости, точно будто я в чем-нибудь перед ним провинился. Мне очень хотелось заговорить с ним, но в то же время я решительно не знал, как и в каких выражениях стану с ним разговаривать... К счастью, Митрофанов вывел меня из затруднения. Он заговорил первый, и, не помню уже как, разговор перешел на революционную литературу. Я увидел, что мой собеседник читал не одни только ряженые брошюры. Ему знакомы были сочинения Чернышевского, Бакунина, Лаврова, и он умел отнестись к ним критически... Удивлению моему не было границ».²⁸

В процессе революционной работы перед Плехановым, как и перед многими народниками, встали два вопроса: отношение народнической программы к рабочим и отношение народников к политике. Жизнь все более и более настойчиво выдвигала и требовала их решения.

Плеханов постепенно приходит к убеждению еще в рамках народнического мировоззрения, что активной армией против самодержавия в первую очередь является не крестьянин, а городской

рабочий. Но этот обоснованный практикой и жизнью тезис был теснейшим образом связан с вопросом о политике и ее значении в борьбе против самодержавия. «К началу 1879 года, — писал впоследствии Плеханов, — рабочее движение переросло народническое учение на целую голову. Ввиду этого не удивительно, что наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедшая в основанный около того времени „Северно-Русский Рабочий Союз“,²⁹ в своих политических взглядах и стремлениях значительно разошлась с бунтарями-народниками».³⁰

Обнаружив в программе «Северного союза русских рабочих» требование политической борьбы, Плеханов первоначально не мог с ним согласиться, тем более что политическая борьба стала рассматриваться большинством народников как террористическая деятельность против самодержавия. По этому пути в дальнейшем, как известно, пошел и Халтурин, которого очень высоко ценил Плеханов.

Во всяком случае под влиянием многих событий и фактов жизни в сознании Плеханова возникли большие сомнения относительно правильности путей общественного развития, выдвинутых народнической программой. Его личный опыт хождения в народ принес ему огорчения и тоже подрывал народническое мироощущение. Перспективы организации «Черного передела» были сомнительны.

«Черный передел» оказался чрезвычайно узкой организацией, в которую преимущественно входили студенты, курсистки. Группа «Черного передела» существовала не только в Петербурге, но и в Москве. Членами организации велась пропаганда среди рабочих. Типография «Черного передела» в Минске (после провала ее в Петербурге) напечатала прокламацию «Северного союза русских рабочих», номера журнала «Черный передел», несколько номеров рабочей газеты «Зерно», прокламацию по поводу 1 марта 1881 г.³¹

Ряды чернопредельцев таяли: одни уходили в организацию «Народная воля», другие оказались, как и Плеханов, на распутье.

Однако и после того, как Плеханов покинул пределы России, он еще в течение двух лет так или иначе разделял народнические иллюзии. Но это, конечно, уже не было ортодоксальное народничество. В мировоззрении Плеханова возникают новые мысли и тенденции, своим источником имевшие научный социализм. За границу Плеханов приехал в январе 1880 г. В марте 1881 г. он писал: «В настоящее время, как и полтора года тому назад, мы думаем, что задача „Ч. П.“ заключается в определении задач партии в народе, в агитации на почве требований народа, выражаемых лозун-

²⁶ Группа «Освобождение труда», сб. № 4, стр. 108.

²⁷ Там же, сб. № 5, М.—Л., 1926, стр. 309.

²⁸ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 127.

²⁹ Имеется в виду «Северный союз русских рабочих».

³⁰ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 182.

³¹ Группа «Освобождение труда», сб. № 1, М., 1924, стр. 131.

гами „Земля и воля“, и во внесении в народный протест идей современного социализма».³²

Часть чернопередельцев, как и Плеханов, стала приближаться к марксизму.

В предисловии к книге Туна Плеханов признает, что он еще не скинул окончательно одежды народничества, хотя и выступил против террора. После покушения 1 марта на царя по инициативе Лаврова и Плеханова было устроено эмигрантское собрание, посвященное этому событию. Большинство присутствовавших одобрило террор как метод борьбы с самодержавием. Плеханов же занял иную позицию. «Единственным решительным врагом террора, — замечает в своих «Воспоминаниях» Р. М. Плеханова, — как средства борьбы за свободу политическую и улучшения в жизни крестьянства и рабочих, был Г. В. ... Он не верил, что террор вызовет какие-нибудь уступки со стороны самодержавной власти. Наступит сильная реакция. Вместо Александра с двумя палочками будет Александр с тремя. Лучшие силы из революционной партии будут вырваны, работа среди крестьян, рабочих и передового общества будет задержана на много лет».³³

Вот почему все попытки, предпринятые народниками с целью воздействовать на Плеханова, остановить его отход от народничества, не привели ни к чему. Попытка Исполнительного комитета «Народной воли» привлечь Плеханова к совместной работе также не удалась.

За границей Плеханов с головой окунулся в политическую жизнь, познакомился с рабочим движением передовых капиталистических стран, с программами социалистических партий. В Женеве он сблизился с польской «колонией» — Л. Варынским, Дикштейном и другими польскими революционерами. В Париже, куда он приехал весной 1880 г., Плеханов имел встречи с Жюль Гедом и другими французскими социалистами. Гед тогда, по словам П. Лафарга, был центральной фигурой возрождающегося социалистического движения. Последователи Гед в 1877 г. создали газету «Эгалите», сыгравшую значительную роль в пропаганде марксистских идей. Практическая часть программы, созданной французской социалистической партией, была написана Лафаргом и Гедом.

Жюль Гед оказал большое влияние на организационно-практическую деятельность Плеханова. Он укрепил в нем сознание необходимости разрыва с народнической идеологией, с тактикой бунтарства. Гед и его сторонники в то время вели борьбу с французскими анархистами. Р. М. Плеханова в своих воспоминаниях о встречах Георгия Валентиновича с Гедом подчеркивает нарастающее идейное единство их взглядов. В частности, она писала:

³² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. I, стр. 133.

³³ Архив Дома Г. В. Плеханова. Рукопись Р. М. Плехановой «Воспоминания». А. П. 13а, стр. 251—252.

«В течение различных фазисов социал-демократического движения и развития марксистской теории в России и на Западе Плеханов и Гед всегда занимали в недрах Интернационала тождественную позицию».³⁴

В Париже Плеханов оказался в центре политической жизни. Возвращение коммунаров из ссылки с острова Новая Каледония, выступление Элизы Мишель на митинге, похороны революционера О. Бланки, вылившиеся в грандиозную народную демонстрацию, демонстрация в честь В. Гюго, политические собрания парижского пролетариата — все это произвело неизгладимое впечатление на Плеханова в первый же год его пребывания в Париже. Он часто посещал рабочие собрания, присутствовал на выступлениях Гед и Лафарга. Большое влияние на духовное развитие Плеханова оказал Лафарг; теоретические работы Лафарга высоко оценивались им.

Но Плеханов далеко не сразу изменяет свою точку зрения «исключительности» России, не оставляет программы «Черного передела», еще продолжает верить в идеал этой организации. Он даже собирался отправиться вместе с доктором В. Ивановским в Америку, чтобы, обучившись там на ферме сельскому хозяйству, возвратиться в Россию и «пойти в народ».

В течение трех лет Плеханов упорно и настойчиво работал над марксистской литературой, глубоко изучал историю рабочего движения Западной Европы, особенно Франции и Германии. Именно это обстоятельство объясняет известную замкнутость и отчужденность Плеханова в эти годы его жизни в Швейцарии и во Франции. Известное значение имели специфические условия эмигрантской жизни с ее непрерывными склоками. Плеханов стремился быть в стороне от этих дряг. В Париже он целые дни просиживал в библиотеках, усиленно работал над произведениями Маркса, которые он доставал через друзей Гед и Лафарга.

В начале 80-х годов Плеханов закладывает фундамент той поразительной эрудиции, которая всегда изумляла его слушателей и читателей. Он изучает естественные науки, посещая в Париже лекции по антропологии, геологии, органической химии, в Женеве — по сравнительной анатомии. Записная книжка Плеханова свидетельствует о его всеобъемлющем интересе к литературе различных специальностей. Плеханов широко пользовался богатой библиотекой Лаврова, а также библиотекой немецких политических эмигрантов и др. К этому времени относится его глубокое знакомство с экономической, исторической и философской литературой марксизма. Он много работает над произведениями Маркса и Энгельса. Например, в его записной книжке значится: «Выписать: „Гражданская война во Франции“, „Кельнский процесс коммунистов“, „К жилищному вопросу“, „Бакунисты за работой“».

³⁴ Группа «Освобождение труда», сб. № 1, стр. 99.

Марксистская литература все больше и больше давала Плеханову богатейшую аргументацию для пересмотра народнической идеологии. Важно заметить, что общественная наука к этому времени опровергла «теорию» народников. Она показала неизбежность разложения общинного строя во всех странах. Особенно важное значение в этой связи имел выход в свет труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В России стали известны работы М. Ковалевского, которые давали материал неопровержимого доказательства неизбежности разложения поземельной общины.

Среди литературных работ Плеханова, раскрывающих заключительные стадии процесса его эволюции от народничества к марксизму, безусловно заслуживают внимания экономические работы, особенно «Новое направление в области политической экономии» (1881) и «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова» (1882—1883). Плеханов считал эти статьи марксистскими, но они не были еще таковыми. В них можно найти только отдельные положения, близкие к марксизму.

Эти статьи стараниями Лаврова были направлены Михайловскому для журнала «Отечественные записки». Последний, высоко оценив их, писал Лаврову, что явился «новый Добролюбов».

В своей рецензии на книги вульгарных экономистов Мейера и Лавеле Плеханов подверг критике взгляды представителей катедер-социализма, выступивших за пересмотр учения А. Смита и Д. Рикардо. Много интересного, самостоятельного и глубокого мы находим в этой работе Плеханова. В ней сказывается большое влияние автора «Капитала», которого он цитирует. Еще более примечательным является его анализ экономических взглядов Родбертуса. В работе «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова» он одним из первых дал критический разбор «системы» Родбертуса, развенчав легенду о нем как об основоположнике «современного социализма». «Ставить его, — писал Плеханов, — „выше Маркса и Энгельса“, конечно, невозможно. Учение его не может быть поставлено даже рядом с учением этих последних. Неверно также и то, что Родбертус, будто бы, ранее Маркса и Энгельса высказал те положения, которые легли потом в основу „Капитала“». ³⁵

Характеризуя социальные взгляды Родбертуса, Плеханов приходил к бесспорному выводу о том, что Родбертус выступает перед нами в своих планах «не столько в качестве беспристрастного ученого, сколько в качестве померанского помещика, никогда не теряющего из виду связи интересов землевладения с интересами капитала». ³⁶

³⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. I, стр. 220.

³⁶ Там же, стр. 361.

Выступление Плеханова против Родбертуса имело большое историческое значение, несмотря на то что он (Плеханов) переоценивал научную значимость его экономических взглядов. Плеханов неправильно считал, что Родбертус занимает «одно из самых видных мест среди экономических писателей XIX века». ³⁷

Существенно то, что Плеханов выступил с критическим анализом взглядов Родбертуса до появления статей Энгельса по этому вопросу в период, когда на Западе и в России была широко распространена легенда о Родбертуса как основоположнике современного социализма.

Исключительную роль для дальнейшей эволюции Плеханова сыграли его знакомство с «Манифестом Коммунистической партии» и работа над переводом этой книги на русский язык. Он писал: «Лично о себе могу сказать, что чтение „Коммунистического Манифеста“ составляет эпоху в моей жизни. Я был вдохновлен „Манифестом“ и тотчас же решил его перевести на русский язык». ³⁸

Перевод «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык имел очень большое значение для русского революционного движения. Текст «Манифеста» сопровождался написанным Плехановым предисловием, в котором со всей ясностью раскрывается новое для него марксистское мировоззрение. Предисловие это, в сущности, было критикой прежней народнической идеологии Плеханова и означало преодоление им остатков анархизма бакунистского толка и чернопредельчества с его непониманием политической борьбы. К 1882 г. Плеханов вплотную приблизился к марксизму. Завершением этого идейного процесса явилось образование им и его соратниками в 1883 г. марксистской группы «Освобождение труда». «Русский марксизм, — писал В. И. Ленин, — родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)». ³⁹

³⁷ Там же, стр. 220.

³⁸ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, ч. 1, М., 1940, стр. 17.

³⁹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 363.